

IV.

Московская армія.

Если Баторій потерпѣлъ неудачу въ Стокгольмѣ, пытаясь обезпечить участіе шведовъ въ этой войнѣ, то Иванъ имѣлъ не большій успѣхъ въ Вѣнѣ. Отправленный въ 1578 году къ Рудольфу, Квашнинъ на-

прасно старался добиться заключенія союза, предположеннаго еще при Максимиліанѣ. Какъ перваго условія императоръ требовалъ признанія его верховенства надъ Ливоніей! Та же неудача постигла Ивана въ переговорахъ съ ханомъ. Этотъ послѣдній требовалъ Астрахани и большой суммы денегъ. Одинъ моментъ Иванъ даже имѣлъ основаніе бояться, что татары будутъ его противниками, какъ этого желалъ Баторій. Посланникъ короля, Иванъ Дрогойовскій, въ самомъ дѣлѣ, пытался вести переговоры въ Константинополѣ относительно союза, въ который вошелъ бы ханъ. Однако, Порта нуждалась въ татарахъ, чтобы направить ихъ противъ персовъ. Въ результатѣ, король и царь въ войнѣ остались одни другъ противъ друга. Разница въ ихъ положеніи заключалась въ томъ, что Иванъ не долженъ былъ ни выпрашивать субсидій у упрямаго сейма, ни взывать къ доброй волѣ своихъ подданныхъ, чтобы пополнить свою армію. Личность и имущество его подданныхъ были въ его власти. При извѣстіи о движеніи поляковъ, Иванъ, оставивъ гарнизоны въ 80 городахъ по Окѣ, Волгѣ, Дону и Днѣпру, приказалъ концентрировать военныя силы въ Новгородѣ и Псковѣ.

О значительности этихъ силъ мы обладаемъ весьма противорѣчивыми свѣдѣніями. Оцѣнка Карамзина явно преувеличена и по отношенію къ польскимъ силамъ, составъ которыхъ намъ извѣстенъ лучше. Столь же неточна его оцѣнка и русскихъ силъ. Вообще, хорошо освѣдомленный Флетчеръ принимаетъ составъ русской арміи въ 30,000 человекъ. Но нѣкоторые авторы, напр., Бѣляевъ, недавно подняли эту цифру до милліона. Поэтому утвержденіе Карамзина, что Иванъ могъ бы однимъ словомъ потопить польскую армію въ человѣческихъ волнахъ своего войска и направить ихъ несокрушимое теченіе на Вильну и Варшаву, получило новое подтвержденіе. Позднѣйшія изслѣдованія, однако, съ очевидностью обнаружили ошибку знаменитаго историка. Исчисленія *М. Павлова-Сильванскаго* (Государевы служилые люди, стр. 117 и слѣд.) показываютъ, что, за вычетомъ вышеупомянутыхъ гарнизоновъ изъ общей суммы, приблизительно равной 23,000 бояръ, дѣтей боярскихъ и дворянъ, находившихся въ распоряженіи Ивана, у царя оставалось въ рукахъ около 10,000 служилыхъ людей. Каждый изъ нихъ приводилъ съ собою двухъ вооруженныхъ всадниковъ. Это составляетъ 30,000 всадниковъ, или, по точнымъ цифрамъ автора, 31,596. Далѣе у царя было 15119 стрѣльцовъ и казаковъ, сражавшихся пѣшими и конными, 6,461 татаръ и 4,513 че-

ловѣкъ различныхъ родовъ оружія, среди которыхъ было извѣстное количество иностранцевъ, голландцевъ, шотландцевъ, датчанъ и грековъ. Въ общемъ, это составляло 57,689 чел. изъ приблизительно цифры 110,000, образующей вооруженныя силы государства. Посошныя люди, набираемые въ различныхъ количествахъ сообразно нуждамъ каждой войны, значительно увеличивали общее количество войска. Однако, эти люди могли употребляться только для услугъ въ лагерь, либо для земляныхъ работъ. Да и польская армія также вела съ собою очень большое количество этихъ нестроевыхъ.

Въ общемъ, соотношеніе силъ сражающихся равнялось, приблизительно, 1-му противъ 4-хъ.

Повидимому, при превосходствѣ силъ Ивана, попытка Баторія была безразсудной. Но это была только видимость. Подъ влияніемъ Курбскаго нѣкоторые историки предполагали, что на положеніи царя тяжело отзывалось въ этотъ моментъ отсутствіе лучшихъ его полководцевъ, которыхъ онъ лишился, благодаря опричиннѣ. Несомнѣнно, что на перипетіяхъ и исходѣ этой рѣшительной борьбы сказались слѣдствія того крупнаго политическаго, соціальнаго и экономическаго кризиса, который только что пережила страна. Но, во всякомъ случаѣ, этимъ однимъ нельзя объяснять всѣхъ неудачъ Ивана. Лучшимъ полководцемъ съ начала царствованія Ивана былъ Петръ Шуйскій, но и онъ не отличился подъ Оршей. Страна была раздавлена и истощена. Она вскорѣ обнаружила свою неспособность къ продолжительному усилію. Но для начала кампаніи еще оставались военныя силы, нетронутыя опричниной. За исключеніемъ русской артиллеріи, а также нѣсколькихъ сотенъ иностранныхъ солдатъ и офицеровъ, лицомъ къ лицу съ *европейской* арміей Баторія стояла старая московская армія, слабость которой Грозный уже испыталъ въ битвахъ со шведами и поляками. Это была милиція, въ которой личныя качества сражающихся, выносливость и героическая самоотверженность начальниковъ и рядовыхъ не искушали слабости вооруженія, отсутствія дисциплины или, по крайней мѣрѣ, дрессировки, наконецъ, недостатковъ командованія.

Въ этотъ критическій моментъ рѣшеніе Ивана опредѣлилось настолько же темпераментомъ царя, настолько и отчетливымъ пониманіемъ причинъ относительной слабости его войска. Я уже показалъ, что Иванъ не былъ солдатомъ. При создавшихся условіяхъ, ему не могла прійти въ голову мысль броситься противъ нашествія и встрѣ-

тить Баторія во главѣ своихъ бояръ. Это было невидано въ Москвѣ съ отдаленной и легендарной эпохи Дмитрія Донскаго. Уже сынъ этого національнаго героя передъ новой татарской тучей, угрожавшей столицѣ, бѣжалъ въ Кострому. Это стало традиціей, которой царь въ этотъ разъ, болѣе чѣмъ когда-либо, долженъ былъ остаться вѣренъ. Опричнина не отняла у него его арміи, но эта армія заранѣе была обречена на пораженіе при встрѣчѣ съ поляками и венграми Баторія въ открытомъ полѣ.

Иванъ сначала ошибся относительно намѣреній своего противника. Онъ думалъ, что, какъ и прежде, усилія Польши будутъ направлены на Ливонію. Прибывъ въ Новгородъ въ іюлѣ 1579 года, онъ отдѣлилъ нѣсколько тысячъ своей азіатской конницы и далъ ей порученіе принять первый ударъ противника. Не встрѣчая никакого сопротивленія, этотъ отрядъ возобновилъ подвиги Шигъ—Алея. Между тѣмъ, предоставивъ несчастную провинцію ея собственной участи и ограничившись нѣкоторыми мѣрами предосторожности для прикрытія своей арміи съ фланга, Баторій шелъ на Полоцкъ. Пока выяснили съ русской стороны ближайшій планъ кампаніи, было уже слишкомъ поздно, чтобы привести городъ въ оборонительное состояніе. Иванъ и не думалъ преграждать путь Баторію. Онъ рѣшительно раздѣлилъ свои силы, отправивъ одну часть арміи къ Феллину противъ шведовъ, другую къ Острову. Князьямъ Лыкову и Палецкому онъ поручилъ идти на помощь Полоцку. При этомъ онъ, однако, предупредилъ ихъ, что они должны ограничиться лишь тѣмъ, чтобы тревожить врага и перехватить его обозы. Такимъ образомъ, Грозный остановился на системѣ вялой защиты, прерываемой попытками дипломатическаго рѣшенія спора. Онъ долженъ былъ держаться такой системы. Безъ сомнѣнія, онъ рассчитывалъ истощить поляковъ осадной войной. Въ такой войнѣ артиллерія и упорство русскихъ должны были обнаружиться съ особенно выгодной стороны.

Какъ и предвидѣлъ Баторій, ему, дѣйствительно, приходилось вести осадную войну. Но и здѣсь его геній и счастье парализовали стратегію и дипломатію царя.
